

СЧАСТЬЕ ЛИВНЫЙ СЛУЧАЙ

ЯЧМЕНЬ ВИТАЛИЙ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виталий Ячмень
Счастливый случай

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ячмень В. И.

Счастливый случай / В. И. Ячмень — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Из-за аппендицита Николай вместо дня рождения друга детства попадает в больницу. Самолёт с девятью друзьями падает, и неудача со здоровьем внезапно превращается в счастливый случай. Но что теперь делать, если все друзья, с которыми Николай знаком с самого детства, погибли, и он остался один из компании? Возможно, начать медленно сходить с ума, так как странные гости, словно выстроившись в адскую очередь, приходят к нему по одному. Беседы, угрозы, просьбы - жизнь наполняется ожиданием очередного умершего друга, а десятая могила манит, дожидаясь прогулявшего с ней встречу человека. Содержит нецензурную брань.

© Ячмень В. И., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Виталий Ячмень

Счастливый случай

Девять могил сохнут под жгучим солнцем, выглянувшем пару часов назад и даже не думающим прятаться за тучами, кружащими вокруг. Ветер скидывает в ямы, распростёршие огромные пасти, серую землю. Казалось, они ждут тот момент, когда деревянные ящики опустятся в их объятия, чтоб навечно скрыть тела моих друзей. Десятая могила, так и не выкопанная в земле, зияет такой же огромной пастью в моих мыслях, тоже ожидая, когда сможет поглотить душу, опустевшую несколько дней назад.

Я стою на дорожке старого кладбища, я постоянно ловлю на себе чьи-то взгляды. Кто-то смотрит с жалостью, кто-то с ненавистью, но есть и взгляды, полные непонимания и растерянности. Ещё бы! Ведь я стою, дышу, рыдаю, а девять моих самых близких друзей лежат в гробах... закрытых навечно... Я должен был оказаться десятым, но судьбе было не интересно, таким способом завершать мой жизненный путь. Три дня назад мой аппендицит решил, что пора уже воспалиться, и тем самым закинул меня в больницу. Когда я ложился на операцию, мои друзья, собиравшиеся в небе отпраздновать день рождения Сашки, уже заходили в самолёт, а когда меня привезли в палату, их уже не было в живых. Они упали недалеко от аэродрома, успев подняться на приличную высоту...

Поначалу я немного завидовал, что они смогли поехать, а я лежу в палате, ожидая врача. Мне звонили по видеосвязи, показывали парашюты и радостно рассказывали, как будут весь полёт представлять моё расстроенное лицо. Долго тогда смеялись... Сашка, вспоминая наши детские годы, сказал, что мы ещё с ним обязательно прыгнем! И я верил! Я тоже смеялся, показывая большой палец. Конечно, прыгнем! Но это ведь его юбилей... Сорок лет прожил Сашка, оставаясь редким шутником и самым надёжным человеком, которого я только знал. Он таким был с детства. Помню, если что-то скажет, то даже с поломанной ногой, в гипсе и бинтах, выполнит обещанное. Семь лет назад Сашка влюбился в небо, и сейчас, к своему юбилею, совершил пятьдесят четыре прыжка с парашютом. Этот прыжок должен был тоже стать юбилейным, поэтому он собрал нас всех. Мы с самого детства были вместе: шестеро парней, живших в одном доме. Трое взяли с собой жён, а один из них захватил дочь. Я должен был ехать один, так как за свои тридцать семь не удосужился обзавестись хоть чем-то из вышеперечисленного. Мы знали друг друга хорошо, и даже Катя, в свои двенадцать лет была для нас другом, а не просто дочерью Серёги.

Закрытые гробы, спрятав внутри всё, что осталось от моих друзей, ныряют один за другим в землю. Я смотрю на них, и вижу чёткую ассоциацию с несостоявшимися прыжками с парашютами. Вот Сашкин гроб повисает над ямой, удерживаемый стропами-полотенцами, срывается вниз и приземляется на твёрдую почву. Пятьдесят четыре раза она ловила его за ноги, а сегодня он совершил последний прыжок, уцепившись за землю красной материей гроба. И всё... Финальный прыжок и финальное приземление...

Люди кидают землю в могилы, при этом некоторые не забывают кинуть в меня тяжёлый взгляд. Интересно, если бы я тоже лежал здесь в деревянном ящике, кому бы достались все эти эмоции? Наверное, несправедливому небу, не сумевшему удержать железную машину и десяток тел... Я тоже кидаю землю, а сам думаю, что где-то хоронят пилота, который занял моё место среди умерших в тот день друзей. На вечеринке, по поводу совместной смерти, Сашка удивится, что на моём месте находится другой человек. Огорчится, конечно, но примет его в компанию, а потом все вместе начнут поджидать меня, чтоб снова что-то отпраздновать и вдоволь насмеяться. К тому моменту, пилот уже отлично вольётся в коллектив, так что мне будет немного неловко, когда придётся знакомиться с новым участником наших посиделок.

Хотя, о чём это я? Раскидает ребят... кого в рай, а кого в ад. Будут чистить обгоревшие котлы, да орать вместе с остальными грешниками адские песенки земных музыкантов-металлистов. А мне теперь жить за них за всех... По крайней мере, фразу такую я слышал, а что она значит – не знаю. Ладно, поживём – увидим.

* * *

После этих похорон в моей жизни что-то изменилось. Не могу сказать, что я начал сходить с ума, но чувство постоянного взгляда из пустоты стало усиливаться на девятый день с момента катастрофы. Если кто-то видел меня на улице, то скорее всего думал, что у меня развилась паранойя, так как я оборачивался назад чуть ли не каждые две-три минуты. На работе, сидя за компьютером, я, вместо проработки дизайна, постоянно оглядывался за кресло, отчего коллеги на вторую неделю не вытерпели и отправились к начальнику. Мне дали отпуск на две недели, объяснив это необходимостью восстановить нервы. Шеф понимающе кивал, но наотрез отказался оставить меня в офисе, напомнив, что сразу же после катастрофы предлагал побыть недельку дома, а я, дурак, отказался.

– Вот теперь иди и... отдохай морально, – подвёл он резюме, пожав на прощание мою вспотевшую ладонь. Признаюсь честно, мне стоило большого труда не заглянуть за его стол, всё ещё надеясь остаться в тёплом офисе, а не в одиночестве дома.

По улице шагалось легко, несмотря на недавно прошедший дождь. Раньше я любил такую летнюю погоду, за прибитую к земле пыль, но сейчас... Казалось, что меня выбросили, предали, выгнали за ненадобностью и навсегда стёрли с памяти. Как моих друзей, покинувших недавно этот мир... Но их, хотя бы, пару раз в году вспоминать будут, а меня сняли с проектов, и дали шанс почувствовать себя никчёмным.

Я даже забыл оглядываться по сторонам, полностью погрузившись в мысли, но тут на дороге мой кроссовок встретился с глубокой ямой, полной дождевой воды. Пришлось срочно выныривать не только из мыслей, но и из густой грязи, вспоминая по матери неизвестных сотрудников дорожных служб. В кроссовке хлюпало, пальцы елозили по каше, размазавшейся по стельке, а на душе становилось противно от всех этих чувств. Очень хотелось закричать, но признать собственное бессилие я не мог.

Недалеко от лужи лежала половинка кирпича. Я поднял её, размахнулся и запустил прямо вглубь источника своих бед. Элементарное оружие человека покрылось водой, скрывшись в недрах уже ставшей знакомой мне ямы. А я смотрю на воду, улыбаюсь и зачем-то считаю быстро исчезающие круги. Это успокоило, но ненадолго. Чувство мерзости снова пробудилось, когда я собрался сделать новый шаг, и в кроссовке противно чавкнула жижа. А ещё я увидел в луже лицо! Не своё, а навсегда похороненное на задворках памяти и скрытое под сухими досками с толщиной сырой земли.

Чувство мерзости от сырости в кроссовке куда-то испарилось. Пальцы, а вместе с ними и предплечья, мелко задрожали, отчего могло показаться, что я заболел, и температура таким образом пробивается наружу. Но я же здоров! Здоров!!! Ну, ладно... Пусть не совсем... пусть не полностью, а всего лишь самую малость мой мозг потерпел крушение, разбившись о события, высыпавшиеся на меня из рога изобилия. Теперь он хочет перезагрузиться, постоянно намекая, что пора напиться вусмерть... Я уже делал это в тот день, и не сделаю сейчас, как бы пристально на меня не смотрел Пашка, зачем-то проявившийся в луже. Я сказал пристально? Нет, всего лишь на мгновение он выглянул из своего мира, как и положено мёртвому человеку, посмотрев на меня снизу-вверх. Пашка, мой старый дружбан, оставшийся своей неукротимой безбашенностью где-то далеко в детстве, при этом являясь классным инженером! Как он весело смеялся на наших дружеских посиделках! Как он пел песни из старых мультфильмов советского и иностранного производства! Полина на это и клюнула, посчитав его потенциально

классным отцом, который всегда будет с детьми и никогда не бросит их ради очередных красивых ножек. Таким он и стал, но что теперь с этого? Его вдова сама растит двоих сыновей, не понимая, куда устроиться на работу после второго декрета. Пашка оставил семью, но не так, как того боялась супруга. Удивительно, я словно увидел их семейное фото, спроектированное в мозг неведомой силой. Миша, Гена, Полина и... Паша – странный снимок, которого раньше я никогда не видел.

Я остановился перед дверью своей квартиры, копошась в кармане в поисках ключа. На пару секунд я забросил это дело, осматриваясь по сторонам. Нет, я не искал очередной взгляд из пустоты... Мне было непонятно, когда я успел дойти домой, если ещё совсем недавно стоял перед лужей, не понимая, откуда там взялся мой покойный друг. Ладно, спишем всё это на шуточки мозга, загрузившего меня воспоминаниями, а в это время кинувшего команду ногам продолжать идти пока кукуха не съехала, и я не начал выгребать лужу и раскапывать яму в поисках умершего друга.

Переступив порог, мне пришлось остановиться, так как песня из мультфильма про Алладина звучала прямо из моей кухни, и исполнял её не мультяшный герой, прорвавшийся в реальность из динамиков телевизора, а...

– Пашка... – только и сумел выдавить я из мгновенно пересохшего рта.

Нежданный гость смотрит на меня из-за стола такими же ясными глазами, как делал это все годы нашего знакомства. Улыбка светится на губах, с любовью выводящих «Арабскую ночь». Я прислонился плечом к дверному косяку, уставившись на сильные руки, выбивающие крепкими пальцами ритм песни. Остановившись на мгновение, Пашка указал пальцем в сторону «бара». Все друзья знали, что у меня припрятано пару бутылок напитка среднего качества в пространстве между холодильником и стеной. Да, знаю, не самое удачное место, но я до сих пор прячу алкоголь от мамы, временами привозящей мне домашних котлеток и салатов.

Так же молча, как он указывал на «бар», я прошёл к холодильнику и запустил за него руку. Песня продолжилась, а я стараюсь не сводить глаз с нежданного гостя. Наощупь вытащив что-то из тайного места, я уселся за стол, поставив перед собой бутылку из тёмного стекла. Вовремя вспомнив, что на кухне кроме меня есть ещё Пашка, я дёрнулся за рюмками. Сам не знаю, неужели бы я начал пить из горла? Хотя, увидев перед собой такое... ну, наверное, и не так поступишь.

Пашка снова расхохотался, указывая на меня пальцем.

– Да, братан, без выпивки такие новости тяжело воспринимать. Я бы и сам нажрался от офигения, увидев у себя на кухне недавно преставившегося человека.

– Вы меня разыграли? – глупо спросил я, трясущейся рукой вытягивая из шкафчика рюмки. Одна из них выпала на пол, со звоном обсыпав мои ноги осколками стекла. – Никто ведь не умер? Паша... Ну, чего ты молчишь?

Я потянулся за новой рюмкой, стараясь трезво мыслить и не порезать ногу об осколки. Ну, да... я же так и не разулся, продолжая выхаживать по квартире в мокрой обуви. Проехали, потом с этим разберёмся... Покачав головой, я уже почти выудил из дальнего угла рюмку, но тут сзади снова раздался голос:

– Можешь не искать вторую. Да и ту ты выронил не зря...

– Не зря... – повторил я вглубь кухонного шкафчика, опустив руки и оперев их кулаками в стол. Конечно, Пашка ведь умер! Зачем ему пить коньяк и есть салат, который я смог бы сварганить на скорую руку. Там всё не так... всё по-другому! Но вот как?

Я уселся на стул и молча, не сводя глаз с друга, налил в рюмку тёмную жидкость. А чем закусить? А? Точно! Салат! Но я его ещё не сделал, а Пашке он не нужен, так зачем утруждать себя этой работой? Думаю, после сегодняшней встречи, я и не почувствую горечи напитка.

– Ты пей, Коля. Пей... – Пашка встал из-за стола и подошёл к окну.

Я знаю, что он сейчас будет делать, так как видел это ни один раз. Мой мёртвый друг опёрся задом на подоконник, закинул ногу за ногу и принялся что-то выковыривать из зубов. Интересно, что может там найти мертвец, похороненный больше недели назад?

Ничего Пашка из зубов не достал. Когда мне надоело наблюдать за его действиями, я опрокинул рюмку и зажмурился – всё-таки запекло, и горечь напитка явно ощущалась во рту и на губах. Даже конфетки заваливающей на столе нет, а салат уплыл куда-то вглубь сознания, опасаясь, что сможет материализоваться здесь, как и мёртвый человек.

Я прикрыл рот ладонью, опустил взгляд и сказал куда-то в стол:

– Паша, как так-то?.. Вы... а я... И как ты теперь здесь? Зачем?..

Вроде и выпил немного, но голова мысль сформировать не может, а язык блуждает где-то во рту, намереваясь найти буквы, сложить их в слова... Есть буквы, нет слов вразумительных.

– Да как-то так... – Пашка хмыкнул и опустился на пол. Он принялся рассматривать блестящие на полу осколки, показывая на них пальцем, словно пересчитывал. – Прямо, как мы. Были в руках умелого пилота, а затем... погнались вниз. И тоже вдребезги. Знаешь, Коля, мне кажется, я помню, как нас грузили в машину. Не уверен, был ли я целым, но рук уже точно не чувствовал. Не знаю, может, и не было такого, но... чёрт! Я помню некие моменты, как будто всё это правда! Какие-то люди, врачи, инструменты... ага, ещё гроб и ветер... Тебя помню! Может, это из-за нашего звонка перед самым вылетом, но твоё лицо... грустное, но какое-то довольное. Как будто ты знал что-то, и не полетел с нами!

Я слушаю с круглыми глазами, периодически посматривая на выход из кухни. Интересно, успею ли я добежать до двери и выскочить из квартиры? Вроде дверь не закрывал, так что там и нужно всего-то легонько повернуть ручку, рвануть на себя и вперёд! Только куда, если перед этим Пашка смотрел на меня из лужи...

Он молчит, уставившись взглядом в один из осколков. Что он хотел увидеть в нём? Свою разбитую жизнь? Несбывшиеся мечты? Детей и жену, не знающих, как свести концы с концами?

– Коля, а как там моя Полина? Как малые? Ты их давно видел?

Взгляд отрывается от осколка и сверлит меня, словно ищет ответ, который я не знаю. Ну, да, как-то прочитал же он мои мысли о детях и жене... Хотя, о чём ещё мог думать такой классный семьянин – как Пашка?

– Паша, я... А ты сам, как? Чего к ним не зашёл? Я думал, что к родным должно тянуть сильнее, чем к друзьям...

Он резко вскочил на ноги, обхватил голову руками и закричал. Я вспомнил виденные раньше фильмы ужасов, отчего даже прочувствовал, как кожа слетает с моего лица, уносясь в неизвестном направлении. Экранные призраки имеют много способностей, о которых нам живым остаётся только мечтать...

Пашка замолчал, опустив руки и несколько раз качнув головой. Он поднял на меня тяжёлый взгляд и перекошил лицо в невиданной мною ранее улыбке. Я в это время с ужасом прикоснулся к щеке и выдохнул с облегчением – похоже не только живые не способны на фокусы экранных мертвецов, но и настоящие призраки не умеют криком убивать своих врагов. Хотя, я же не враг, а он, наверное, ещё не сильно старался...

Паша продолжал улыбаться, отчего мне показалось, что это замерший кадр из фильма. Но вот он сжал губы, почесал подбородок и произнёс:

– Хотел бы и я знать, почему оказался здесь, а не под крылышком у любимой супруги. Я так любил засыпать, легонько приобняв её сзади за талию. Кто теперь будет делать также? Не ты ли?

– Я? – я чувствовал, как мои глаза ползут куда-то вверх. Чтоб прекратить эту бесполезную попытку укрыться от взгляда мёртвого друга, пришлось зажмуриться. – Пашка, я никогда... Ты же знаешь, как я ценю нашу дружбу!

– Знаю, – снова улыбнувшись, но уже как-то примирительно, сказал призрак. – А ещё только сейчас я понял, почему оказался у тебя, а не у них. Коля, ты обязан взять в жёны Полину!

– Я? – теперь уже ничего не могло сдержать мои глаза, и я чувствовал, что они скоро выпадут из орбит, повиснув на нервах, как спелые плоды на деревьях.

– Да, именно ты! Из всей нашей компании Полина всегда нахваливала только тебя. Даже говорила, что если бы не встретила меня, то вышла бы за Колю. Шутила... наверное. Короче, раз ты выжил, то обязан сделать это! И не смотри на меня так! Знаешь, как говорят: обязан прожить за умерших! За друзей! За нас! За меня, в конце-то концов! Ты же помнишь, что я именно тебя в крёстные Генке метил, но ты, гад отказался. А теперь пришла пора соглашаться, ведь только ты и остался из нашей компании. Ну, что, исполнишь просьбу друга?

Я облизнул пересохшие губы и провёл ладонью по лицу. Может ущипнуть себя за щёку, пока он не видит? Придётся спастись бегством, но пока словесным.

– Паша, я бы рад взять твоих, но... Что люди скажут? Что я ждал, пока мой друг загноётся, чтоб затащить в постель его жену? Так они скажут, что она со мной тебе рога наставляла, а тут шанс подвернулся съехаться, вот мы и не стали его терять. Не по-людски это...

Пашка ударил ладонями по столу. Хоть они и пролетели насквозь столешницу, я отчётливо услышал в голове хлопок и почти увидел, как качнулись рюмка с бутылкой. Мой друг смотрел исподлобья, намереваясь продолбить взглядом дырку в черепушке несостоявшегося крёстного своего сына.

– А мне плевать, что сейчас скажут люди! – голос Паши звенел в стёклах кухонных шкафов. – Моя Полина осталась одна, и теперь легко от горя может найти себе какого-то... мудака, который будет издеваться над ней и над малыши. А ты будешь их любить, – он замолчал на мгновение и тут же взорвался криком, приблизившись своим носом к моему. – Всех будешь любить! И жену мою в постели согревать, и детишек конфетами потчевать! Ты понял, Коля? Не зря же меня отпустили к тебе на переговоры, так что нет у тебя выхода. Да и остался же ты для чего-то на этом свете, вот и поживи за меня теперь.

Он отодвинулся от моего лица и снова улыбнулся, медленно растворяясь в воздухе. Пашкин указательный палец грозил неизвестным наказанием, а я наблюдал за его покачиванием, облокотившись спиной о стену. Когда от призрака осталась слабый контур человека, страх рассосался, и слова, недавно комом давившие горло, вырвались наружу:

– Это был случай... счастливый... или несчастный... Чёрт! Я уже запутался! Да лучше бы я сдох вместе с тобой, чем сидел в пустой квартире и думал, насколько сильно я башкой тронулся! Надо же! Мёртвый друг в гости заявился! Эка невидаль... – немного помолчав, я добавил, – прости, Пашка, дурака... наговорил глупостей...

В кухне действительно остался только я, а Пашка, растворившись в воздухе, унёсся по своим делам. Интересно, он скрылся в моей голове, став первой в жизни галлюцинацией, или отправился в тот мир, откуда нам возврата нет?

Вечером, в полной тишине, я сидел на кухне, снова расположившись на том же самом стуле. Тарелка с пельменями безмолвным белым пятном застыла на столе, а прежняя бутылка с коньяком составила ей компанию, периодически отправляясь в полёт, чтоб наполнить очередную рюмку. Кстати, пил я из той, которую хотел во второй раз достать Пашке, так как свою я тоже разбил. И знаете, что я сделал после этого? Как и мой мёртвый друг, я уселся на пол, и какое-то время рассматривал осколки, выискивая в них что-то общее с нашей жизнью. Не найдя ничего, я принял решение собрать осколки на совок и выкинуть их в мусорное ведро. Им там было не скучно, так как прежняя порция битого стекла уже дожидалась свою коллегу.

Я пил и думал... Какой-то скомканный разговор получился с Пашкой... Да и эта его просьба! Я что, дурак, на его Полине жениться? Нет, ну, женщина она красивая, но... неправильно это как-то!

Эх, столько упустил! Надо было расспросить: как им, на том свете, чем занимаются, кого видели из известных людей? А можно было узнать, что чувствовали они в сам момент смерти! Возможно, видели эту знаменитую барышню с косой, и теперь смогут мне рассказать, чего ждать от встречи с ней. Хотя, чего ждать – и так понятно.

Я положил вилку на стол и рывком развернулся назад. Неужели снова кто-то здесь! Пашка? Возможно, но есть у меня в этом смысле некоторые сомнения. Вот же, осёл! Из-за страха и различных заселивших голову мыслей, я забыл о своём чувстве чьего-то присутствия, и сейчас оно с двойной порцией мании преследования ворвалось в мою комнату и, зависнув где-то над столом, принялось долбить прямо в затылок.

Там определённо кто-то есть! Может Серёга? Или Сашка пожаловал в гости, пожурить за отсутствие на празднике? Утащат ещё с собой, рассказав историю, как мне повезло, и что за мной теперь должок. Словно умерли они ЗА меня, или я просил их об этом... А, в принципе, что они мне сделают, если Пашка даже по столу ударить не смог?

На всякий случай я медленно прошёл по коридору и, заглянув в единственную комнату, прошептал с нотками крика:

– Предупреждаю сразу: моё лицо не было довольным во время нашего последнего разговора!

Ответила мне только тишина, как делала уже много лет, но в этот раз, заставив думать о посещении психиатра. Кстати, пора перестать смотреть в лужи, а то непонятно, кого из моих умерших друзей я там увижу в следующий раз...

* * *

Голова жутко раскалывалась, и я уже начал думать, что вчерашний день прошёл в обществе настоящего Пашки. Не мог же я сам так нарезать, что сейчас не могу заставить себя даже пошевелить пальцем на руке?

Солнце светит через окно, врезаясь через закрытые веки прямо в больные глаза. Как я понял, где-то на выходе из них, яркий свет впивался в мозг. Опять же, разве может голова так раскалываться после вчерашней бутылки коньяка? Да, я по молодости и больше выпивал, но, стоит признаться самому себе, было это очень давно, и таких активных забегов для печени я не устраивал уже около трёх лет. Сдал немного, старичок...

– Хватит притворяться, что всё ещё спишь, – раздался знакомый голос. – Ой, та ладно тебе! Я уже около часа смотрю, как ты сопишь и издаёшь не самые приличные звуки.

Я притворяюсь? Да нет же! Я на самом деле сплю! Вот, сейчас проснусь, и голос Жеки пропадёт сам по себе. Ведь снились же мне они сразу после смерти! Почему и этот голос не может оказаться обычным сном? Подъём, Коля! Подъём!

Нет, это не я кричу себе. Это всё тот же голос старается достучаться до моего больного от алкоголя рассудка.

– Подъём, дружище! Я же не знаю, как долго смогу здесь находиться. Может ещё пару минут, и мне придётся раствориться, отправившись куда-то... туда...

Я приоткрыл правый глаз, стараясь не показывать, что смотрю на говорящего призрака, но его улыбка, разехавшаяся по круглому лицу, говорила о многом. Жека смотрел прямо в этот мой глаз, разведя в стороны руки.

– Ну, иди сюда, обниму!

Нет, дружище, не пойду...

Повернувшись на другой бок, я закрыл правый глаз, а открыл левый. Принявшись ковырять пальцем стену, спрятал ноги под лёгкое летнее одеяло, боясь своего мёртвого друга, словно тот был пресловутым подкроватным монстром, жаждущим свисающих с кровати человеческих конечностей.

– Вы что, теперь все ко мне придёте? – я продолжал своё нехитрое дело, наблюдая, как в обоях появилась маленькая дырочка. Решив, что свою работу по порче стены я выполнил, мне ничего другого не осталось, как скрестить руки на груди. Так я и лежал на боку, рассматривая незамысловатый узор на обоях.

Сзади раздался вздох. Жека делал так очень часто... при жизни. С его весом больше ста сорока кг, вообще было сложновато обходиться без признаков усталости при любой работе. При этом, он никогда не отказывал друзьям, всякий раз протягивая нам свою массивную руку помощи. Его жена Света тоже летела на том злополучном самолёте... Окончательно осознав последнюю мысль, я повернулся в сторону друга, рассматривая комнату.

– Потерял кого-то? – Жека стоял в прежней позе, готовый принять меня в распростёртые объятия. Нет дружище, только не в этот раз, а то ещё утянешь к себе под землю, а я на такое не подписывался.

– Ага, потерял... – я сел на кровати, отчего голову проткнуло раскалённым прутком, – всех друзей...

Так себе каламбур получился, но Жека не обиделся, только улыбка стала не такой радостной. В конце концов, он рассмеялся и опустил руки.

– Ладно, я уже и сам понял, что не смогу тебя обнять. Пока ты спал, я пару раз попробовал тебя растолкать, но у меня этого не получилось. Кончились дружеские обнимашки, так хоть беседы оставили. Кстати, ты кого-то уже видел из наших?

– Пашку... Вчера с ним посидел немного. А после его ухода продолжил начатое дело.

– Вижу, что помяло тебя от этого неплохо. А что, он смог выпить с тобой?

Жека поводил глазами по комнате, словно пытался найти пьяного Пашку. Ну, или искал рюмку, чтоб проверить возможность мертвецки упиться... Снова каламбурю? А если так: упиться вусмерть? Хм... недавно о чём-то таком я уже думал, но из-за больной головы не вспомню когда.

– Не смог... обломал я надежду своему другу, – он тоже ничего не мог трогать, так что пить мне пришлось в одиночку, как какому-то алкашу. Ладно, так ты мне скажи, вы что, теперь все ко мне придёте по очереди, или ты со Светой заявился?

– А, так ты её выискивал? – Жека почесал вечно лохматую голову, и прокричал в сторону коридора, – Светусик, ау!

Я даже посмотрел в ту сторону, ожидая появления такой же крупной женщины, как и мой друг детства, но в коридоре было тихо.

– Ты прикалываешься? – я снова посмотрел на Жеку, но тот только пожал плечами.

– Ну, стоило попробовать... Знаешь, я после падения видел её... голову. Она лежала отдельно от тела, а я всё пытался позвать жену, или кого-то из ребят. Не смог... Потом нас собирали, везли, даже отмывали. Мне она пару раз на глаза попадалась, а дальше всё, как будто отрезало. Где она теперь?

– На кладбище, рядом с тобой, – не знаю зачем, но я это сказал. В глаза Жеке смотреть не получалось, поскольку о смерти родных говорить я не мог никогда. Отчего даже выказать соболезнование людям никогда не получалось, а тут вообще не понятно, как описать сегодняшний разговор.

Жека сел на пол, обхватив голову, при этом взгляд, став абсолютно пустым, был направлен куда-то вперёд. Его длинный хвост свисал с плеча, почти достав до лежащего на полу журнала. Я ожидал, что этот большой человек сейчас разрыдается, как маленькая девочка, но он молчал, продолжая находиться в своих мыслях.

Когда молчание затянулось, я, тихонько кашлянув, спросил самое важное в этот момент:

– А ты зачем пришёл? Извини, может грубо прозвучало, но просто Пашка здесь такую фигню нёс, что я даже не нашёлся, что ему ответить. А ты? Тебя зачем... отпустили ко мне? Понимаешь, я не бу...

– Она любила цветы. Света... Мой лучик в жизни, дарящий свет... Цветы любила, понимаешь? – он поднял на меня тяжёлый взгляд, и, как мне показалось, злобно, поводит челюстью из стороны в сторону. Мне пришлось закивать, соглашаясь со сказанным. – Помнишь, я дарил ей красные розы? А вы надомной частенько посмеивались... Та ладно тебе, не делай такие глаза – я всё это и так прекрасно знаю. Подкаблучник... Так же говорили... некоторые, сейчас мёртвые наши с тобой друзья? Ага, так вот! Красные розы! Но только такие, чтоб прям горели! А я их дарил каждый третий вторник месяца... в наш день знакомства. То есть, двенадцать букетов красных роз, всего лишь по три штучки, но как она всегда радовалась! В общем, я только что понял, чего мне здесь не хватает – её радости! Ты обязан каждый третий вторник месяца приносить на её могилу цветы! Только не забудь – красные, чтоб от них всё горело! Розы! Тебе же не тяжело? Ведь не зря тебе Бог... м-да, не верил я в него... Ладно, не зря же тебе кто-то дал шанс! Теперь ты должен вернуть должок, а это не так дорого... всего-то три цветочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.